

Его супруг, как в прошлой жизни, так и сейчас, всегда производил впечатление холодного, спокойного и сдержанного человека. Сун Цинъи никогда не видел, чтобы он менялся в выражении лица, за исключением того яркого и трагичного воспоминания. Но сейчас этот человек перед ним явно потерял самообладание и даже выглядел немного растерянным.

Он понимал, почему Ци Жуньюнь так реагирует. Будучи мужчиной, он был заперт во внутреннем дворе, и лишь благодаря малейшему вниманию мужа мог получить глоток свободы за пределами этих четырех стен. Более того, в прошлой жизни Сун Цинъи даже не задумывался об этом, позволив этому молодому человеку томиться во внутреннем дворе, пока женщина не лишила его жизни.

Взгляд Сун Цинъи потемнел. Он открыл рот, но не знал, что сказать, и в конце концов тихо произнес:

— Я велю слугам подготовить одну из комнат в правом крыле под твой кабинет. Когда у тебя будет время, зайди в мой кабинет и выбери книги или сам сходи в книжную лавку, найди то, что тебе интересно.

Думая о том, что в прошлой жизни, даже при их холодных отношениях, Ци Жуньюнь приходил в его кабинет за книгами, он предположил, что тот любит читать, и, возможно, небольшой кабинет поможет ему скоротать время.

Ци Жуньюнь, словно очнувшись, скрыл радость в глазах, и его обычно безмятежное выражение лица стало немного живее.

— Благодарю вас, господин.

Подумав, что это звучит слишком холодно, он добавил:

— Спасибо.

Сун Цинъи улыбнулся.

— Зови меня Дуаньцзинь.

Ци Жуньюнь медленно, но серьезно кивнул.

— Дуаньцзинь.

Услышав, как Ци Жуньюнь мягким и спокойным голосом произносит его имя, Сун Цинъи почувствовал легкий зуд в носу и, потирая его, сказал:

— Не благодари меня. Хотя наше начало было не самым удачным, у нас впереди долгая жизнь вместе. Даже если мы не станем близкими друзьями, я надеюсь, что будем жить в гармонии.

Сун Цинъи не знал, почему он сказал это в такой момент. Возможно, он почувствовал, что, несмотря на кажущуюся хорошей атмосферу между ними, все еще оставалась некоторая дистанция. Но кто виноват, что его прошлое поведение было настолько недостойным? Он не мог объяснить изменения в себе до и после свадьбы, но надеялся, что в мелочах их общения его супруг поймет его желание жить в мире и согласии.

Возможно, Ци Жуньюнь почувствовал искренность в его словах, и та отстраненность, которая сквозила в его почтительности, слегка рассеялась. Даже если еще оставались сомнения,

прогресс был налицо.

— Хорошо.

Заметив легкую неуверенность в голосе Ци Жуньюня, Сун Цинъи прямо спросил:

— Что случилось?

Он всегда верил, что честность — это основа отношений между супругами. В прошлой жизни он был искренен с младшей сестрой, и хотя она его предала, это не изменило его принципов.

Ци Жуньюнь слегка замялся, прежде чем тихо спросить:

— А... можно ли мне навестить родных?

Не ожидая такого вопроса, Сун Цинъи на мгновение задумался, а затем вспомнил о традиции возвращения новобрачной в родительский дом на третий день после свадьбы. Хотя в случае с мужем-женой это было не совсем то же самое, но если муж уважал своего супруга, то сопровождение его в гости к родителям было знаком уважения. Однако в прошлой жизни Сун Цинъи, не любя Ци Жуньюня, даже не подумал об этом, а младшая сестра не была законной женой, и ее родные жили далеко, так что и о возвращении не шло речи. В этой жизни, после ссоры с отцом из-за его настойчивого желания жениться на младшей сестре, даже несмотря на его странное поведение после свадьбы, никто не осмеливался напомнить ему о необходимости сопроводить супруга в родительский дом.

Таким образом, это было полностью забыто.

Заминка Сун Цинъи создала неловкую паузу, и Ци Жуньюнь, только что оживившийся, снова замкнулся. Очнувшись, Сун Цинъи поспешил сказать:

— Конечно, я поговорю с отцом, и завтра мы поедем.

Удивленный тем, что Сун Цинъи собирается сопровождать его, Ци Жуньюнь покачал головой.

— Дуаньцзинь... у вас есть дела. Достаточно будет, если вы разрешите взять Люгуана.

Поскольку Сун Цинъи запретил Ци Жуньюню называть себя слугой, он иногда терялся в ответах.

— Как можно? Мы связаны узами брака, и я должен нанести визит твоим родителям. Кстати, я слышал, что твоя семья также занимается люли? — Сун Цинъи говорил серьезно.

У Ци Жуньюня были хорошие родители. В прошлой жизни, несмотря на все несправедливости со стороны семьи Сун и трагическую смерть во внутреннем дворе, родители Ци Жуньюня, увидев униженного Сун Цинъи, смотрели на него с глубокой ненавистью, но, учитывая табличку с именем их сына, просто позволили ему уйти. Если бы его собственный ребенок оказался в такой ситуации, он бы непременно мстил, но эти седовласые старики лишь с гневом прогнали его. Вспоминая это, Сун Цинъи чувствовал глубокое раскаяние.

Не замечая странного выражения лица Сун Цинъи, Ци Жуньюнь, видя, что тот не передумает, продолжил:

— Да, семья Ци с давних пор занимается изготовлением форм. Люли требует уникальной формы для каждого изделия, хорошая форма делает его прекрасным как внешне, так и

внутренне.

Сун Цинъи кивнул, вспомнив, что в книгах действительно упоминалось о важности форм для люли, и заметил, что обычно сдержанный Ци Жуньюнь, говоря о люли, оживлялся. Это изменило его представление о супруге как о человеке, погруженном в печаль, и это чувство слегка развеяло гнетущее настроение, которое преследовало Сун Цинъи с момента возвращения.

Улыбнувшись, Сун Цинъи сказал:

— Да, хорошая форма и мастерство обжига — это основа прекрасного люли.

К счастью, хотя в прошлой жизни он не интересовался люли, в этой жизни он изучил многое и мог поддержать разговор с супругом. Ему нравился этот оживленный Ци Жуньюнь.

Однако Ци Жуньюнь покачал головой.

— Хорошая форма и мастерство — это важно, но нужна и хорошая печь. Только высокая температура позволяет камню люли и основе слиться воедино.

Затем, словно вспомнив, что уже давно не занимается люли, добавил:

— Это слова моего отца. Он всегда говорил, что если температура печи недостаточна, хорошие формы часто становятся браком. Люли требует уникальной формы для каждого изделия, и если при обжиге что-то идет не так, приходится начинать заново. Форму уже нельзя использовать.

Услышав это, Сун Цинъи вдруг вспомнил фразу из одной книги о наследии искусства люли:

«Тысячелетнее мастерство остается неизменным, но если добавить хоть немного огня, цвет станет прекраснее».

Это, вероятно, и имелось в виду. В его голове возникла идея, связанная с улучшением качества люли, но она требовала проверки. Однако теперь у него было направление для размышлений.

С облегчением в сердце от того, что важная проблема начала решаться, Сун Цинъи наконец заметил, что они так увлеклись разговором, что Ци Жуньюнь все еще был в испачканной одежде, а его рука, обожженная супом, оставалась без лечения.

— Пойди переоденься, я нанесу тебе мазь.

Когда Ци Жуньюнь вышел, Сун Цинъи, не в силах сдержать радость, тут же велел принести мазь от ожогов и сообщить отцу и матери о поездке в родительский дом.

Посидев еще немного за столом, он увидел, что супруг еще не вернулся, и послал Люгуана к дяде Наню, чтобы тот прислал нескольких надежных людей. Он хотел уже сегодня организовать слуг и охранников для Ци Жуньюня.

И действительно, к тому времени, как они закончили обед, дядя Нань привел несколько слуг.

Три молодых и проворных юноши и четверо крепких мужчин с грубыми руками выстроились во дворе.

Сун Цинъи помог Ци Жуньюню выбрать смышленного слугу по имени Лин Бао и двух

охранников, поручил старшей служанке подготовить кабинет, а затем поспешил увести дядю Няня в свой кабинет в переднем дворе.

Его идея требовала проверки, и дядя Нань, бывший мастер обжига, был лучшим помощником.

<http://bllate.org/book/16594/1516488>